

**ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**Всероссийская онлайн-конференция для молодых ученых
«ПОЭТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СРАВНЕНИЯ»**

24 апреля 2026 года

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

24 апреля 2026 г. Отдел древнеславянских литератур ИМЛИ РАН провел первое мероприятие в рамках нового проекта — онлайн-школа «Поэтика древнерусской литературы». Цель этого проекта — привлечь внимание молодых ученых к большому и интересному пласту отечественной культуры — литературе Древней Руси, питающей явно или опосредованно всю последующую русскую литературу, включая и современную. Название проекта задает его основное направление: в центре внимания на каждой сессии будут прежде всего изобразительно-выразительные приемы, благодаря которым раскрывается и авторский замысел, и идея текста, и внутреннее строение памятника. Безусловно, проект предполагает рассмотрение и специфики жанровых форм и стилей в древнерусской словесности и многое другое.

В рамках весенней сессии была проведена Всероссийская онлайн-конференция для молодых ученых «Поэтика древнерусской литературы: сравнения». По задумке инициаторов создания онлайн-школы доктора филологических наук О.А. Туфановой и кандидата филологических наук Е.А. Андреевой программа конференции состояла из четырех частей:

1. Доклады сотрудников Отдела древнеславянских литератур.
2. Доклады молодых ученых.
3. Брейнсторминг.
4. Подведение итогов конференции.

Д.С. Лихачев писал о том, что изучение средневековых сравнений «сможет поднять завесу над многими особенностями поэтического стиля русского средневековья» (Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979. С.183). Прозвучавшие на конференции доклады, посвященные специфике сравнений в древнерусских текстах разных жанров, их роли в раскрытии «внутренней сущности» сопоставляемых объектов, были направлены на осмысление характера и идеологической подосновы этого приема в конкретных памятниках, определения его функции в построении образа, сюжета и др. Заинтересованное участие молодых ученых и сотрудников Отдела древнеславянских литератур в прошедшем брейнсторминге позволяет

надеяться организаторам конференции (зав. отделом М.Ю. Люстров, О.А. Туфанова, Е.А. Андреева, М.В. Первушин) на востребованность нового проекта Отдела древнеславянских литератур.

О.А. Туфанова

М.Ю. Люстров

«Сияет, яко бисер»

Среди исследований литературы Древней Руси существуют работы, содержащие анализ сравнений вообще и сравнений с чем-то сияющим в частности. А.С. Демин рассматривал сравнение «мечи, аки вода», О.П. Лихачева — «аки бисер в кале». По сведениям исследовательницы, это сравнение обнаруживается в толковании на послание апостола Иакова в Толковом Апостоле Никиты Ираклийского по отношению к Раав и в Повести временных лет по отношению к княгине Ольге.

Светящийся бисер упоминается в неоднократно привлекавшем внимание исследователей русского барокко стихотворении Симеона Полоцкого «Хамелеонт»: подобно бисеру здесь сияет капля яда и «имя Иисус».

Сравнение в литературе Древней Руси с сияющим бисером является традиционным, и на это обстоятельство обращают внимание иностранные стихотворцы рубежа XVII–XVIII вв., пишущие на русском языке. В стихотворении шведа Энока Лиллиемарка, изданном в 1715 г. и посвященном бракосочетанию шведской принцессы Ульрики Элеоноры и ландграфа Гессен-Кассельского Фридриха отмечается, что у новобрачных «Wo serdse Dobrodjeteli / Jako Bizer sijaut». Создавая свое силлаботоническое (написанное неравносложным четырех-трехстопным ямбом, правда, с многочисленными ритмическими переборами) стихотворение по образцу шведских эпиталам XVII — начала XVIII в. переводчик, изучавший русский язык в России и, по всей видимости, имевший представление о русском стихотворстве, ориентируется не

только на отечественную, но и на русскую, не знакомую адресатам его стихотворения традицию.

Сведения об авторе: Михаил Юрьевич Люстров, доктор филологических наук, профессор РАН, заведующий Отделом древнеславянских литератур, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. E-mail: mlustrov@mail.ru

Е.А. Андреева

Одолеть зверя:

сравнение как ведущий прием при создании образа врага-язычника

Сюжет о единоборстве православного мученика за веру Нестора и язычника Лия стал общеизвестен в XVI в., когда создавались Великие Миней Четьи митрополита Макария, где был зафиксирован в кратком варианте. В «Житиях святых» Дмитрия Ростовского мартирей подвергается беллетризации, весомо удлиняется за счет введения подробных характеристик каждого из трех участников событий и диалогов. Интересным и примечательным для нас является то, как автор использует сравнения для характеристики главного отрицательного персонажа. Прямой противник святого Нестора Лий, главный злодей (хотя есть еще и Максимиан), охарактеризован подробно и обстоятельно — борец, происходящий из вандальского племени, был «ѡкъмъ другий Голѣфдѣ, великъ тѣломъ паче всѣхъ людей, страшень взоромъ, свѣрообразень, и свѣронравень, гласъ же егѡ аки гласъ льва рыкающа, яко от самага его взора и гласа трепетати на него зрящымъ» [Страдание]. Эта фраза построена с использованием сразу нескольких видов сравнительных конструкций: 1) Лий напрямую, с помощью конструкции со сравнительным союзом уподобляется библейскому герою Голиафу, перед нами прием ретроспективной исторической аналогии. 2) Автор использует морфологические средства для создания сравнений —

сравнительную степень «паче». 3) Есть в предложении слова, включающие в свой состав морфемные элементы, подчеркивающие сравнение объектов - образов, -нравен: звериные черты (не только внешние, но и внутренние) берут верх над человеческими. 4) В тексте появляется еще один сравнительный оборот («гласъ же егѡ аки гласъ льва рыкающа» [Страдание]). Это известное сравнение библейского происхождения, восходящее к 1 Посланию ап. Петра 5: 8: «трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить». 5) на этом сравнительная конструкция не завершается, а переходит в сложноподчиненное предложение, образуя развернутое сравнение, так автор усиливает ужас восприятия Лия: «яко от самаго его взора и гласа трепетати на него зрящымъ» [Страдание]. Автор пользуется сравнениями, рассказывая о смерти Лия: «его же аки птицу похитивши, сверже съ високаго того помосту на острые копия, на неже Лий падши аки дубъ велии» [Страдание]. Здесь важны не столько образ и предмет сравнения, сколько основание сравнения, оно явно служит изобразительной функции, делает ситуацию запоминающейся, зримой, выразительной. Использование таких художественных средств в тексте становится «маркировкой» врага, не христианина.

Сравнения в описании Лия нужны для того, чтобы визуализировать облик персонажа, показать его поступки на контрасте с действиями праведника, «приземлить» героя, сделать акцент на внешнее, физиологическое, представить образ зверя в человеческой плоти. Для описания Нестора сравнения оказались неостребованным приемом (читатель знакомится лишь с авторской характеристикой, впечатлением Максимиана и самохарактеристикой Нестора; поведение Нестора и Лия противопоставляются), так как его образ — это разительный и яркий контраст образу Лия, во-первых. А во-вторых, его подвиг, желание «положить душу свою за други свои» уже и есть уподобление подвигу Христа, *imitatio Christi*, — основная модель поведения, отличающая праведника, мученика за веру.

Список литературы

Страдание святого мученика Нестора (27 октября) // Свт. *Димитрий Ростовский*. Жития святых. Книга первая. Сентябрь, октябрь, ноябрь. СПб.: Аксион эстин, 2009. URL: www.axion.org.ru.

Сведения об авторе: Екатерина Александровна Андреева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

О.И. Докучаева

**«Вопросы Иоанна Богослова Аврааму на Елеонской горе»:
функции сравнений в наставлениях учителя**

«Вопросы Иоанна Богослова Аврааму на Елеонской горе» представляют собой диалог Авраама и Иоанна Богослова, где Авраам выступает в роли учителя, а Иоанн Богослов — ученика. Учитель рассказывает о будущей участи праведных и грешных душ, тем самым наставляя ученика.

Свои наставления учитель подкрепляет цитатами из Псалтири. Образы из псалмов, построенные на сравнениях, используются для воздействия на ученика. Функции сравнений определяются дидактической целью текста. Авраам избирательно комментирует сложные для восприятия образы. В частности, сравнение грешников с овцой: «Яко овча, во аде положена суть...» (Пс. 48: 13) сопровождается разъяснением учителя: «Чадю, нет им ответа, яко не познаша Бога». Данное сравнение требует дополнительного пояснения со стороны учителя, так как в нем овца символизирует легкую добычу, а не традиционные кротость и послушание. Кроме того, в тексте образ овцы многозначен, что также обуславливает необходимость уточняющего комментария учителя.

Авраам комментирует не только сложные для восприятия образы, но и фрагменты псалмов, которые нужны ему для аргументации собственной точки

зрения. Когда позиции ученика и учителя по вопросу не совпадают, учитель обращается к образному ряду псалмов, чтобы обосновать свои доводы.

Сравнения в псалмах, фигурирующие в тексте «Вопросов Иоанна Богослова Аврааму на Елеонской горе», требуют дополнительного комментария в тех случаях, когда учитель разъясняет сложный образ или аргументирует свою точку зрения. Учитель стремится донести свою мысль до ученика, поэтому прибегает к повторам и пояснениям. Учитель в данном тексте выступает в роли наставника, а его ответы представляют собой инструкцию по спасению души.

Сведения об авторе: Ольга Игоревна Докучаева, аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. E-mail: lelyakaluga@gmail.com

Д.А. Иванова

Функция сравнений в молитвах князя Дмитрия Московского

в «Сказании о Мамаевом побоище»

(на материале сопоставления Основной и Киприановской редакций)

Молитва в древнерусской словесности является индивидуальным лирико-психологическим высказыванием героя. Согласно Д.С. Лихачеву, молитва функционально соответствует внутреннему монологу, раскрывающему духовную суть персонажа. Сравнение, в том числе с библейскими и историческими персонажами, служит основным инструментом смысловой и психологической характеристики. Как отмечает В.В. Кусков, древнерусская литература использует ретроспективные исторические аналогии для включения событий русской истории в контекст мировой и сакральной истории. В «Сказании о Мамаевом побоище» этот принцип реализуется прежде всего в молитвах князя Дмитрия Ивановича Московского.

Хронологический разрыв между Основной редакцией (конец XIV — рубеж XV–XVI вв.) и Киприановской (1526–1530 гг.) обуславливает существенные идейно-содержательные различия в употреблении сравнений в молитвах князя Дмитрия.

В молитве по известии об угрозе вторжения Мамаю Дмитрий Иванович проводит аналогию между нашествием Мамаю и Батыевым разорением. Это сравнение вводит мотив покаяния: бедствие осмысливается как Божье попущение за грехи, а судьба Руси ставится в зависимость от духовного состояния правителя и народа.

В этой же молитве реализуется уподобление Дмитрия ветхозаветному царю Иезекии, что выполняет двойную функцию: историко-типологическую (оба правили 30 лет, оба противостояли превосходящим силам врага, оба одержали чудесную победу); духовно-нравственную (Дмитрий просит не о военной победе, а об «исцелении» души через покаяние, что акцентирует первоочередность нравственного очищения в борьбе с внешним врагом).

В молитве на Куликовом поле в ночь перед сражением сравнение реализуется на нескольких уровнях: через жест (воздетые руки, отсылающие к Моисею в битве с Амаликом); через прямое упоминание Моисея; благодаря церковно-календарному совпадению с воспоминанием о том, как Моисей провел еврейский народ через Чермное море. Благодаря сравнению с Ярославом Мудрым и Александром Невским также устанавливается непрерывная сакрально-историческая преемственность подвигов русских князей. Образы врагов Ярослава и Александра, Святополка и «короля римского», типологически соотносятся с предателем Олегом Рязанским и захватчиком-иноверцем Мамаем.

Непосредственно перед битвой в молитве Кресту вводится сравнение с Константином Великим. В Основной редакции акцент сделан на самом Кресте как символе жертвы, искупления и победы над смертью. Дмитрий просит Бога о милости (т. е. отпущении грехов и вечной жизни), а земная победа не является самостоятельной целью. В Киприановской редакции Дмитрий обращается не ко

Кресту, а непосредственно ко Христу, прося «даждь победу на враги моя». В первом случае в фокусе авторского внимания — сам Крест, жертва Христа, искупление, победа над смертью. Во втором — желание конкретной, земной победы в грядущей битве.

Ключевое различие в функции сравнений в молитвах князя Дмитрия при сопоставлении двух редакций памятника заключается в следующем: в Киприановской редакции большинство молитв Дмитрия либо переданы косвенной речью, либо опущены. Соответственно исчезают ключевые сравнения: с Иезекией, Моисеем, Александром Невским, Ярославом Мудрым; отсутствует молитва с воздетыми руками, из-за чего теряется связь с библейскими образами и событиями. В Основной редакции благодаря развернутой системе сравнений князь Дмитрий выступает духовным лидером, который через покаяние ведет народ к спасению; Куликовская победа вписана в священную историю. В Киприановской редакции вследствие сокращения молитв и сравнений Дмитрий предстает как эпический герой — доблестный воин и мудрый правитель, одолевший врага силой оружия. Однако сакральное измерение его молитвенного подвига и духовного лидерства утрачивается.

Сведения об авторе: Дарья Антоновна Иванова, магистрант 1 курса института филологии, Московский педагогический государственный университет. E-mail: darivanto@gmail.com

Е.С. Шадрина (инокиня Мария)

**Сравнения в притче о душе чистой
из Большого Сольбинского синодика**

Большой и Малый Сольбинские синодики — памятники книжности XVIII в., в состав которых входили так называемые литературные предисловия: разноплановые, разножанровые тексты, повествующие о важности молитвы об

усопших и должной подготовки к переходу в Вечность. Важное место среди таких текстов занимают притчи. Одна из них — притча о душе чистой. Данный текст, в основном иллюстрированный, восходит к XVI в., он встречается в различных памятниках книжности (синодиках, сборниках), на иконах, в стенописи храмов и палат, на гравированных картинках и лубках.

Притча представляет собой аллегорическое изображение души чистой, представленной в виде прекрасной девицы. В тексте содержится ряд сравнений: «Ч[и]стота душевная, **преукрашенна, аки неvěста, а[н]гг[е]ломъ равна есть** и преукрашенна всякими цвѣты, имѣя на гл[а]вѣ венець ц[а]рскіи, и пред[с]тоитъ у престола Г[о]с[по]дня. М[о]л[и]тва же ея **исходит** из уст, **аки огонь**, до н[е]б[е]си. С[о]лнце противу лицу ея, а луна под ногама ея, а сама стоитъ превыше н[е]б[е]сь и солнца. Ненавидя **дѣволъ** рода ч[е]л[ове]ча, немоги зрѣти доброты ч[е]л[овѣ]чи, **паде, аки котъ**. Терние грѣховное слезами угаси, постомъ льва звѣза, смиреніемъ змѣя укроти. А д[у]ша грѣшна тмою помрачается и плаче[т]ся горко».

Сравнение «преукрашенна, аки неvěста» восходит к Книге пророка Исаии (Ис. 61: 10), Песне песней, Откровению Иоанна Богослова (Откр. 21: 2). Именованіе души невестой Христовой было традиціонно для христіанской апологетики, патристики (Ориген, прп. Макарий Великий, свт. Амвросій). Это сравненіе подчеркивало то, что человек создан по образу и подобию Божию («образ есмь неизреченныя Твоя славы») и его душа призвана соединиться со Христом, уневеститься Ему.

Сравненіе чистой души с ангелами («а[н]гг[е]ломъ равна есть») также восходит к Священному Писанию. По слову Христа, достигшіе Царствія Небеснаго «ни женятся, ни посягаютъ: ни умерети бо ктому могутъ: равни бо суть Ангеломъ, и сынове суть Божіи, воскресенія сынове суще» (Лк. 20: 36). Чистое преподобническое житіе традиціонно именовалось «равноангельным».

Сравненіе молитвы с огнем, восходящим на небо, перекликается со строками Псалтири: «въ поученіи моемъ разгорится огонь» (Пс. 38: 4). Образ огненной молитвы, достигающей неба, использовал в своих твореніях

святитель Иоанн Златоуст: «Молитва есть огонь, особенно когда она воссылается трезвенною и бодрствующею душою; но этот огонь нуждается и в елее, чтобы достигнуть до самих небесных сводов; а елей для этого огня есть не что иное, как милостыня». В контексте дидактических задач синодика образ молитвы, подкрепляемой милостыней, является особенно актуальным. Притча из Вязниковского синодика содержала следующую концовку: «Душа творила милостыню, поставлена у престола Господня, душа грешнаго помрачена тмою».

Сравнение посрамления диавола с падением кота является нетипичным для древнерусских памятников. Оно напоминает фразу из плача плененной царицы из Казанского летописца: «Ты же, изнемогши, падеся, аки звѣрь, не имущи главы...». Сопоставление диавола именно с котом, падающим перед лицом чистоты, демонстрирует его беспомощность, посрамленность, масштаб хищника сводится к минимуму (это не лев, не иной крупный хищник, а только кот), он высмеивается притчей.

Все описанные сравнения «касаются внутренней сущности сравниваемых объектов» (Д.С. Лихачев). При этом сопутствующие в синодиках, иконах и гравюрах иллюстрации чистоты душевной дополняли словесный образ сравнениями, основанными на зрительном сходстве: чистота душевная изображалась в виде прекрасной девушки-невесты с ангельскими крыльями, из ее уст к нему восходил огненный поток — молитва, дьявол, в образе темного, антропоморфного зверя, напоминающего кота, стремглав падает, не терпя человеческой добродетели.

Сведения об авторе: Евгения Сергеевна Шадрина (инокиня Мария), аспирант, Московский педагогический государственный университет. E-mail: maria.solba99@gmail.com

Е.Н. Евдокимова

**Механизмы преломления устойчивых образов и формул
в бытовой цепи сравнений «Повести об Ульянии Осорьиной»**

В сравнениях периода обмирщения древнерусской литературы важна бытовая конкретизация, поэтому создатель «Повести об Ульянии Осорьиной» сопоставляет сакральный образ мира с предметами повседневности: «...миро, аки квась свеколной, в нощи же згустевашеся, аки масло багрянovidно» [Повесть]. Здесь эпитеты обозначают красный оттенок, имевший символическую связь с Кровью и Жертвой Иисуса Христа. Закономерно, что миро в первом сравнении цепи уподобляется «квасу», т. е. закваске — важному ингредиенту евхаристических хлебов, который «представители Восточной церкви отождествляли... с душой... Христа» [Антонов, с. 84]. Плотскую же ипостась Спасителя неизменно обозначал образ вина, свернутый в «Повести...» до эпитета «свеколной» [Повесть]. Здесь проявляются особенности бытового стиля автора, который заменяет евхаристические символы предметами из повседневной жизни. В сравнении «миро, <...> аки масло багрянovidно» [Повесть] цветовой эпитет появляется вследствие устойчивой парности образов вина и масла. Это формульное сочетание восходит к евангельскому сюжету о милосердном самарянине, который, «возливая́ ма́сло и вино́» (Лк. 10: 34), спас раненого. Сравнения «Повести...» также имеют связь с мотивом исцеления, ведь люди, приходящие ко гробу Ульянии, «мазахуся миромъ <...>, и облехчение от различныхъ неду́г приимаху» [Повесть]. На древнерусской почве образы вина и масла обретают метафорическое осмысление и включаются в смежные сюжеты о чудесном врачевании: «...възлѣях на язвы его моя крѣвѣ вино и масло» [Кирилл, еп., с. 198]. Параллельно с метафоризацией пары «вино и масло» в источниках происходит овеществление этих образов: «Самариа <...> пшеницею, и вином, и маслом, и всяким овощом обилна есть зѣло» [Хождение, с. 88]. В отрывке «миро, <...> аки масло багрянovidно» [Повесть] автор «Повести об Ульянии Осорьиной» соединяет прямое и символическое

значения формулы. Вещественная трактовка образов сравнения позволяет увидеть отсылку к богослужебному Таинству: согласно церковному обряду, из вина и масла готовится миро [Чин, л. 4]. На возникновение темпоральных границ в цепи сравнений «Повести...» мог повлиять богослужебный распорядок дня. Так, ночью, вероятно, во время Всенощного бдения люди получали помазание от гроба Ульянии, а в светлое время суток там же причащались Святых Христовых Тайн. Литургическая трактовка образности в цепи сравнений подтверждается сюжетом «Повести...», ведь превращения мира происходят после того, как гроб святой попадает «во град Муромъ в соборную церковь» [Повесть]. Благодаря трансформации мира мощи святой становятся центром духовной жизни Мурома. Темпоральная определенность второго сравнения уподобляет Ульянию тем, кто, согласно евангельской притче о десяти девах, ночью оказался готов к встрече Жениха. По А.П. Лопухину, образ масла в библейском отрывке символизирует «добродетели, делающие человека достойным участия в пиру Царства Небесного» [Лопухин, с. 490]. Толкование вновь отсылает к суточному циклу богослужений, где бодрствование ночью, т. е. участие во Всенощном бдении, становится важным условием Причастия, которое в христианской традиции часто сравнивается с пиром. В «Повести об Ульянии Осорьиной» символизм цепи сравнений проявляется лишь косвенно, через реминисценции к Таинствам Евхаристии и миропомазания. Автор стремится придать средневековым формулам и устойчивым деталям бытовое значение: образ вина сохраняется в цепи сравнений только в форме цветковых эпитетов, а хлеб и миро дробятся сравнениями на ингредиенты — квас и масло. Редукция и метонимическая замена образов создают иллюзию реалистичности повествования.

Список литературы

Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009. 424 с.

Евангелие от Луки. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Lk.10&c> (дата обращения: 02.04.2026).

Кирилл (Туровский), еп. Слово о расслабленном // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 190–198.

Лопухин А.П. Толковая Библия или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 7 т.. М.: Даръ, 2009. Т. 6. 1232 с.

Повесть об Ульянии Осорьиной. URL: <https://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/povest-ob-ulyanii-osorinoj.htm> (дата обращения: 02.04.2026).

Хождение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 26–117.

Чин миропомазания. — ОР РГБ. Ф.173/III №79. 66 л.

Сведения об авторе: Елизавета Николаевна Евдокимова, студент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: lizaevdokimova0103@mail.ru

С.Д. Мокрушин

Вариативность сравнения как приема стилистической и сюжетной организации произведения в Цареугличском летописце

Одним из самых богатых и мощных памятников угличской книжной традиции по праву считается Цареугличский Летописец, изобилующий различными приемами украшения текста и сюжета произведения. Сравнение тоже использовалось создателями Цареугличского Летописца, причем на разных уровнях построения данного памятника.

В частности, можно наблюдать всеобщее сравнение двух сущностных состояний: цветущий град – разоренное место. Выражается в вечной оппозиции в тексте различных классических образов (пример: вертоград – пустынь; обилие горожан – груды тел; слава и жизнь – гибель и скорбь). При этом точка зрения автора имеет два вектора построения повествования. Это стремление продемонстрировать переход от одного земного состояния к

другому граду Углича на уровне трагедии («яко Троя»), но при приобретении чрез это воздаяния и мученического венца для всех жителей.

Сравнение как способ формирования политического и морального облика героев Летописца. Как и в общерусской книжной традиции, текст полон сравнительных характеристик и описаний, задающих тон восприятию персонажей. Так враги классически представлены «зверообразны» со всеми вытекающими особенностями, дабы задать внутреннюю мотивацию их жестокости и беззакониям. И им в противовес выступает христоролюбивый угличский люд, отринувший уговоры подступающей литовской рати.

Создание эффекта объема повествования и внутреннего движения за счет устойчивых ассоциаций. В контексте Летописца: обозначение происходящего как вершины христианского подвига в принятии мученической кончины и вознесения от брэнного мира (образ свечи, огня и единой вертикали происходящего, пример — события после прорыва стены и описание действий горожан у колокольной). Причем сравнение здесь работает не только в создании духовного образа гибели мучеников, но и как опорная точка для создания эффекта вертикали действия.

Сведения об авторе: Сергей Дмитриевич Мокрушин, аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. E-mail: ser.mokrush@yandex.ru

Юэ Сыци

Система сравнений в «Отрывке романа в стихах» и трансформация их функций в литературе переходного периода

В докладе рассматриваются особенности сравнений в «Отрывке романа в стихах», памятнике переходного периода XVII–XVIII вв., в котором традиционный для древнерусской поэтики тип аксиологического сравнения сочетается с элементами психологизации повествования.

Опираясь на концепцию Д.С. Лихачева о смыслообразующей функции сравнения в древнерусской литературе [Лихачев, с. 179], в работе показывается, что в тексте сохраняется аксиологическая направленность сравнительных конструкций, служащих характеристике внутренней сущности персонажа («какъ обо мнѣ молодой радееть...» [Сиповский, с. 47]).

Доказывается, что важнейшую роль в организации образной системы текста играют устойчивые зооморфные сравнения, формирующие ценностные характеристики персонажей и моделирующие систему аксиологических оппозиций («аки на пса смотрила»; «аки белую голубицу разлучаетъ кокошь от голубя» [Сиповский, с. 51]).

Показано, что отрицательная оценка может реализовываться и через устойчивые типологические образы разрушительного характера («ехидное семя» [Сиповский, с. 48]), тогда как часть сравнительных структур передается опосредованно, через предметно-символические конструкции («Яблочки счипала...» [Сиповский, с. 48]), расширяющие способы реализации сравнительного принципа в тексте.

Особое значение приобретают обобщающие и поведенческие мотивированные формы сравнения, организующие систему ценностных предпочтений героини, выявляющие функции персонажей в структуре конфликта и передающие субъективное восприятие происходящего («Лутче скудно жити...»; «аки неусидливая насадка»; «аки дубъ повалился» [Сиповский, с. 52]).

Таким образом, сравнительная система «Отрывка романа в стихах» сохраняет такие признаки древнерусской поэтики, как аксиологичность, типизирующая направленность и устойчивость образных моделей, однако одновременно демонстрирует их функциональную трансформацию: сравнение начинает использоваться не только как средство нормативной характеристики, но и как способ выражения индивидуального переживания и психологической оценки.

Список литературы

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит, 1971. 413 с.

Сиповский В.В. Русские повести XVII–XVIII вв. СПб.: А.С. Суворин, 1905. LXIV, 307 с.

Сведения об авторе: Юэ Сыци, аспирант, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: yuesytsi@yandex.com

Н.И. Кондратович

Визуальный символ как часть художественной системы поэтики древнерусской литературы

Художественная система древнерусской литературы, как подметил еще Д.С. Лихачев, — это сложная система, включающая в себя не только эстетику слова, но и изображение, понятие канона и даже понятие литературного этикета. При этом невозможно выделить художественное начало в ней, заявить о первичности либо текста, либо изображения [Лихачев]. Таким образом, традиционный филологический подход, подразумевающий работу только с текстом, становится недостаточным в анализе древнерусской переводной и оригинальной литературы [Лосев].

Иллюминированная рукопись не «украшенный текст», это целостное произведение, смысл которого дополняется и раскрывается рядом визуальных образов. Особенно ярко данный феномен выражен в религиозно и культурно значимых литературных памятниках [Лихачев; Торопыгина].

Древний художник, иллюстрирующий Шестоднев, не имел права изображать абстракцию, зато имел право добавить подобающий символ. Так

иллюстрация и миниатюра стали визуальным кодом, несущим в себе филологически значимую информацию.

Очевидной проблемой является недостаточная исследованность как минимум сопровождающего литературный источник визуального ряда, не говоря уже о производных визуальных источниках (например, иконы, барельефы и т. п.), и отсутствие наработанных инструментов обращения к визуальному источнику в контексте литературного исследования. Декодеризация визуального символа превратилась в редкое и прикладное явление, он практически не участвует в исследовании.

Цель исследования данной проблемы — это выявление визуального символа и декодеризации его филологической составляющей. Необходимо создать подходящую филологу методологию исследования визуального источника, превращающую «наитие» в структурированное научное исследование объекта. В качестве примера исследования будет представлена миниатюра из Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского, изображающая шестой день творения. Она не может быть однозначно идентифицирована как иллюстрация или аллегория, поскольку несет в себе более одного смысла.

Данное изображение можно интерпретировать с помощью сопоставления с известным нам текстовым описанием, поскольку семантика образов миниатюры раскрыта в христианских источниках. Образ, благодаря которому изображение стало символом, представляет собой акцентированный символ змеи.

Благодаря расшифровкам текстового символа из Шестодневок [Аверинцев], мы можем выделить области смыслов для декодеризации. В нашем примере змея изначально грешна и наказана, она находится слева, как грешники на Страшном Суде, и ведет за собой козлище, а следовательно, визуализирует собой будущее грехопадение человека. А как изначальное творение змея подчеркивает многогранность Божьего плана, включившего и ее в себя.

Как мы видим, исследования иллюстрации древнерусской литературы важны тем, что в виде визуального ряда фактически зафиксирован параллельный текст. Это часть общей художественной системы представляет собой неотъемлемую интерсемиотическую единицу рукописи в менталитете древнерусского автора (что доказано анализом полностью репрезентативного примера). А так как визуальный источник, облеченный в весьма разнообразные формы, является увековеченной репрезентацией своего литературного начала, то он является историческим свидетелем, без которого не может быть и речи об исследовании поэтики древнерусской литературы как целостной системы.

Список литературы

- Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит, 1971. 413 с.
- Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
- Торопыгина М.Ю.* Эдгард Винд — ученик Аби Варбурга. К вопросу о развитии иконологического метода // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2013. Вып. 2 (11). С. 190–202.
- Аверинцев С.С.* Многоценная жемчужина: переводы Преп. Ефрем Сирин, свят. Григорий Богослов, Палладий Еленопольский, преп. Роман Сладкопевец, преп. Исаак Сирин, преп. Иоанн Дамаскин, преп. Федор Студит. Киев: Дух і літера, 2004. 450 с.

Сведения об авторе: Николь Игоревна Кондратович, магистрант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. E-mail: nicolett2002@mail.ru